

УДК 94(73)+930“1940-1970”

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-2-43-61

**ФЕЛИКС ГИЛБЕРТ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
(1940-Е ГГ. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1970-Х ГГ.)**

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

Анализируется интерпретация Ф. Гилберта генезиса внешней политики США. Актуальность исследования определяется низкой степенью проработанности темы в историографии. Источниковую базу составили труды историка, рецензии на них, документы Колледжа Брин-Мар, Института перспективных исследований Принстонского университета, биографические и мемуарные работы. Комбинация биографического, историко-сравнительного, историко-хронологического методов и системного подхода составила методологию изыскания. Результаты анализа позволили сделать следующие выводы. Истолкование ученым зарождение внешней политики Соединенных Штатов характеризуется вторичностью: утверждение о европейском и британском опыте, как истоке было широко распространено в исторической науке на протяжении последней трети XVIII в. и первой половины XX в. Аргументация оценки не опиралась на широкий источниковый массив. Исследователь игнорировал работы и занижал значимость вклада предшественников и современников. Несмотря на то, что обращение историка к теме было следствием карьерных устремлений, он стал одним из сподвижников ревизионизма: Ф. Гилберт применил методологию интеллектуальной истории к раннему периоду истории внешней политики США, что создало новую модель проведения исследований.

Ключевые слова: генезис внешней политики, интеллектуальная история, историография, ученые-беженцы, Ф. Гилберт.

ВВЕДЕНИЕ

Великая депрессия в Европе и политика национал-социалистического режима стимулировали отток ученых из Германии. США стали одним из центров по кооптации интеллектуального капитала «старого света», что благотворно отражалось на развитии американской науки [27; 29; 43; 46]. В этом процессе активную роль играл Фонд Рокфеллера, запустивший специальную программу поддержки ученых-беженцев, которой воспользовался Феликс Гилберт (1905–1991) – немецкий историк, названный в честь своего прадеда композитора Якоба Людвиг Феликса Мендельсона Бартольди (1809–1847). На «новой родине» с 1936 г. он сделал карьеру от рядового преподавателя колледжей до именитого ученого, пользовавшегося авторитетом в стране и за ее пределами.

Творческий путь Ф. Гилберта получил скромное отражение в научной литературе: обзорные журнальные публикации, большинство из которых были вызваны смертью ученого, так и не сменились масштабными исследованиями его

творчества; историк предстаёт то, как медиевист, то как американист. При этом, анализ точки зрения ученого на генезис внешней политики США не вышел за границы утверждения об истоках в европейском, в целом, и британском опыте, в частности [1, с. 11; 16; 17; 47; 52; 55; 60]. Ни многообразие факторов, сподвигнувших Ф. Гилберта к такому выводу, ни эволюция его взглядов ученого на тему не получили рассмотрения в академической литературе. Восполнение пробела в интеллектуальной биографии специалиста создает предпосылки для актуальности научной разработки.

Целью исследования является выявление зарождения и эволюции взглядов Ф. Гилберта на генезис внешней политики Соединенных Штатов.

Задачи включают в себя: определить возникновение и развитие взглядов историка на тему; установить корреляцию биографии и творческого пути ученого; выявить факторы, оказавшие влияние на формирование интерпретации ученого.

Методология работы была построена на основе сочетания системного подхода, биографического, историко-сравнительного, историко-хронологического методов.

Источниковая база – включает в себя труды Ф. Гилберта, рецензии на них, материалы Колледжа Брин-Мар, Института перспективных исследований Принстонского университета, биографические и мемуарные работы [2; 4–10; 12–14; 18; 19–26; 28; 30; 32; 33–40; 42; 45; 47; 48; 49; 50–51; 52; 54; 56–58; 59; 60; 61].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Первый принстонский период: европейское влияние (конец 1930-х гг. – середина 1940-х гг.)

Будучи учеником Фридриха Мейнеке (1862–1954), специалистом по интеллектуальной истории эпохи Возрождения и европейской дипломатической истории XIX в., на новом месте работы – в Институте перспективных исследований Принстонского университета – Ф. Гилберту пришлось трудиться в непривычной для него сфере – истории внешней политики США: с 1939 г. по 1943 г. [56, р. xii; 57, р. xii, xv; 58, р. x] он ассистировал профессору Эдварду Миду Эрлу (1894–1954) в проведении научного семинара¹. Во время второй мировой войны, в рамках привлечения сотрудников института к разведывательно-аналитической работе, ученый был вовлечен в деятельность государственных структур: с июля 1943 г. по декабрь 1945 г. служил в отделе исследований и анализа Управления стратегических служб, с января по июль 1946 г. – в Государственном департаменте. Именно в годы конфликта в журнале «The William and Mary Quarterly: a magazine of early American history institutions, and culture» им была опубликована статья «Английский фон

¹ Семинар носил исследовательский характер и был предназначен под конкретные политические цели: «В течение прошедшего года (1939–1940. – Д.Д.) профессор Эрл проводил семинар по внешней и военной политике Соединенных Штатов, посвященный не столько традиционной дипломатии, сколько интерпретации, критике и исследованию основных факторов американских международных отношений. Институту повезло, что в 1939–1940 годах здесь работала группа американских и европейских ученых, чье разнообразное происхождение, подготовка и разнообразный профессиональный опыт обеспечили основу для информированного и стимулирующего обсуждения этих важных вопросов» [56, р. 12].

американского изоляционизма в XVIII веке» [39]. В подстрочном примечании редакции к работе отмечалось: «Это эссе является адаптацией части расширенного исследования доктора Гилберта о европейском аспекте американской внешней политики, которое будет опубликовано в ближайшем будущем» [Ibid., p. 138]. Для самого Ф. Гилберта, о чем он укажет в мемуарах, публикация была промежуточным результатом исследования [34, p. 176], но в материалах Института перспективных исследований статья позиционировалась результатом работы группы исследователей, возглавляемой профессором Э. М. Эрлом [58, p. 19], получившей название «принстонская группа», в которой Ф. Гилберт определялся как политический теоретик [31, p. 652]. Также статья была первой публикацией ученого по теме и выступала заделом на будущее.

В работе ученый выдвинул тезис: «<...> в корнях руководящих принципов ранней американской внешней политики прослеживается английское влияние» [39, p. 139]. Для американской исторической науки такая оценка не была новшеством: на этом настаивали в 1770–1820-е гг. Х. Адамс, Дж. Маршалл, Д. Рэмси, М. О. Уоррен, в 1830–1840-е гг. Дж. Банкрофт, Р. Хилдрет, в 1850–1880-е гг. У. Г. Трескот, Э. Дж. Лоуэлл, в 1930-е гг. – М. Х. Сэвейлл. Не удивительно и то, что детально определить механизмы влияния автор был не в состоянии и, что примечательно, не скрывал это: «Таким образом, английская политическая жизнь, безусловно, могла дать образцы мышления, из которых колонисты могли извлечь уроки при формировании своей системы внешней политики. Однако, трудно определить точный характер влияния, оказанного этой английской дискуссией на представления колонистов о внешних делах» [Ibid.]. Тем не менее, Ф. Гилберт был уверен в том, что в Британской Америке население и элиты из газет и трудов мыслителей имели представление о европейском балансе сил. Аргументация этого тезиса была построена, как на основе анализа единичных трудов и переписки Б. Франклина и Дж. Адамса, так и взглядов Т. Пейна, изложенных в памфлете «Здравый смысл». Ученый был уверен в том, что «Нет необходимости продолжать тщательное изучение точных каналов, по которым колонисты знакомились с разногласиями по поводу внешней политики Великобритании. Ибо Томас Пейн в своей знаменитой брошюре "Здравый смысл" одним махом перенес споры Англии о внешней политике и континентальных связях в колонии накануне обретения независимости» [Ibid., p. 153]. Идея Т. Пейна о невовлечении в европейские распри представляла собой, по мнению историка, копирование или адаптацию взглядов философов-утилитаристов, в частности Джозефа Пристли (1733–1804), о дистанции Великобритании от конфликтов в Европе [Ibid., p. 157–158, 160].

Легкость, с которой историк выдвигал утверждения, сопровождалась противоречиями в его оценках. В частности, описывая период написания и распространения памфлета Т. Пейна (конец 1775 г. – первая половина 1776 г.), ученый считал, что «<...> положение Америки в созвездии политических держав мира до сих пор не привлекало внимания колонистов» [Ibid., p. 159]. Примечательной выступает аргументация этого утверждения, выходящая за рамки научного

принципа верификации. В подстрочном примечании автор уточнил: «Подход колонистов к внешней политике обсуждается в первой главе моей книги» [Ibid.].

Обращает внимание и тот факт, что Ф. Гилберт не использовал специализированные труды ни предшественников, ни современников. Недоработка не была причиной отношения к историографии, поскольку таковой был латентный вызов американской научной мысли. Во взглядах историка существовал скепсис относительно уникальности интерпретации внешнеполитической традиции США: он был уверен в том, что отцы-основатели мыслили и действовали исключительно в рамках британского опыта, а Т. Пейн, как носитель европейского опыта, предопределил внешнеполитический курс страны в годы президентства Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона ¹.

Несмотря на дискуссионность аргументации оценки историка, его ревизионизм привел к новаторству: он определил начало внешней политики США из необходимости провозглашения независимости. «Столкнувшись с необходимостью принятия декларации независимости – отмечал Ф. Гилберт, – стало необходимым разработать систему внешней политики, которой должна была придерживаться новая республика <...>» [39, p. 159]. Как адепт интеллектуальной истории, ученый уходил от привязки к конкретной дате или событию: для него был важен кульминационный период противостояния, в котором происходило развитие представлений отцов-основателей. Оценка предлагала альтернативу утверждению, ставшему стереотипом о том, что внешняя политика и дипломатия страны начинается с учреждения 29 ноября 1775 г. комитета по переписке.

В двух тезисах Ф. Гилберта – английский опыт и эпоха создания, распространения памфлета Т. Пейна – отображался вклад ученого в пересмотр устоявшихся оценок в американской исторической науке. Примечательно, что взгляд Ф. Гилберта не вызвал интеллектуальный ответ: как и публикация, так и оценка генезиса внешней политики не вызвали дискуссию. Не только военные годы издания работы были причиной отсутствия реакции на неё, в определенной степени, позиция автора опережала свое время. Однако, и у Ф. Гилберта не хватало уверенности в том, что его оценка, как и анонсированная монография благоприятно отразятся на его научном реноме – ему не хватало уверенности в своем авторитете, позволившей ему стоять в первой линии ревизионистов, которые еще и сами не набрали силу. Совокупность, объективных и субъективных причин привела к задержке издания труда, но не к отказу от его публикации. Автору нужно было время для карьерного роста.

Бринмаровский период: полярность «изоляциялизм – интернационализм» (рубеж 1950–1960-х гг.)

После завершения войны, в октябре 1946 г., как лектор, а с 1947 г. в статусе доцента, Ф. Гилберт связал свою карьеру с работой в Колледже Брин-Мар. Учебное заведение – женский колледж – было пристанищем для европейских ученых-

¹ Эту идею Ф. Гилберт воспроизведет в более поздней публикации «“Новая дипломатия” восемнадцатого века» (1951) [37].

эмигрантов, распахнувшее свои двери для беженцев из Европы еще в 1930-е гг. Здесь им был обретен уголок стабильности, которой он не имел в довоенные годы¹: мультикультурализм, отсутствие открытого или скрытого антисемитизма, европейская модель учебного процесса, либеральная среда академического сообщества [48, р. 11–12]. Передавая атмосферу 1930–1940-х гг., Ф. Гилберт сентиментально вспоминал: «Те, кто, как беженцы, поступили на работу в Брин-Мар, обрели безопасность и удовлетворение от своей работы, и это было в лучших традициях Брин-Мара, а теплые чувства, которые все ученые-беженцы, преподававшие в Брин-Маре, испытывали к колледжу, были доказательством того, что высокая репутация колледжа оправдана»². Именно в этой атмосфере им была продолжена работа над книгой, удостоенной премии Банкрофта³. Примечательно, что анонсированный в 1944 г. труд был издан дважды под разными названиями: в 1961 г. вышла в свет монография «К Прощальному посланию: идеи ранней американской внешней политики», а спустя четыре года, 1965 г., без изменений она была опубликована под названием «Начало американской внешней политики: к Прощальному посланию» [38, 40].

По словам историка идея написать книгу возникла в 1939–1940 гг.⁴ во время его работы в Принстонском университете и окончательно сложилась в 1959–1960 гг., когда он вел занятия в Кёльнском университете, в котором читал лекции по раннему периоду истории внешней политики США в рамках гранта от Программы Фулбрайта. За высокопарной риторикой о вдохновении от научной работы и преподавания скрывались более прагматичные причины – карьерный рост и поддержание репутации уникального ученого⁵. Как на рубеже 1930–1940-х гг., так и на стыке 1950–1960-х гг.

¹ Ханна Холборн Грэй – дочь профессора Хаджо Холборна (1902–1969) друга ученого – характеризовала статус исследователя в первые его годы работы в США следующим образом: «Среди историков был Феликс Гилберт (до войны странствовавший по различным институтам, но не имевший постоянной научной должности) <...>» [42, р. 67].

² Ф. Гилберт, описывая колледж 1930–1940-х гг., сентиментально подметил: «То, что те, кто поступил на работу в Брин-Мар в качестве беженцев, обрели безопасность и удовлетворение от своей работы, было лучшим проявлением профессии Брин-Мора, а теплые чувства, которые все ученые-беженцы, преподававшие в Брин-Мар, испытывали к колледжу, были доказательством того, что высокая репутация колледжа оправдана» [36, р. 86].

³ Следует обратить внимание на то, что спустя четыре десятилетия, уже в начале XXI в. книга, удостоенная Премией Банкрофта, не вошла в юбилейный обзор книг Издательства Принстонского университета. В то время как другие труды Ф. Гилберта получили в обзорной работе оценку и признание: «Создатели современной стратегии: военная мысль от Макиавелли до Гитлера» (1943), «История: политика или культура?» (1990) [3, р. 19; 15, 43–50].

⁴ Эта идея не совсем корректна, поскольку уже на осень 1940 г. ожидалось появление книги автора подтверждается и заметкой о том, что осенью 1940 г. должна была быть издана его монография по этой теме [56, р. 13]. Не появилась книга и в 1941 г., хотя подчеркивалось, что «Доктор Гилберт практически завершил работу над своей книгой о европейском влиянии на американскую внешнюю политику <...>» [57, р. 19].

⁵ По воспоминаниям Ральф Э. Гизи (1923–2011) – профессора в Университете Айовы – в разговорах с ним Эрнст Канторович (1895–1963) упоминал обстоятельства издания монографии Ф. Гилберта: «Я знаю, что Эка (Э. Канторович. – Д. Д.), как никто другой, был ответственен за то, что привез Феликса (Ф. Гилберт. – Д. Д.) сюда. Но он сказал, что Феликс написал небольшую книгу о европейских

историк конкурировал с коллегами и публиковал труды для усиления своих позиций в профессиональной среде. Преимущество, которым пользовался Ф. Гилберт было не только его личные качества (энергичность и настойчивость), профессиональные умения (способность предавать старым вопросам новую форму) [16, р. 131; 17, р. 26], но и работа в плоскости интеллектуальной истории, что было унаследовано им от профессора Ф. Мейнеке [47, р. 385] и не использовалось в американской исторической науке применительно к изучению истории внешней политики США. Новаторский подход историк изложил в разделе «Библиографический очерк», им отмечалось: «Проблема колониальной подоплеки американской внешней политики все еще нуждается в систематическом исследовании и всестороннем подходе. Эта проблема была проанализирована только в ряде статей, посвященных отдельным аспектам затронутых вопросов» [40, р. 149]. Единственным автором, которого выделил историк был М. Х. Сэвейлл. Удивляет то, что отметив три статьи коллеги 1930–1940-х гг., но не проводя детальный анализ, он сделал обещающий вывод: «Из-за отсутствия всеобъемлющей работы о колониальной подоплеке американской внешней политики обзор этой проблемы, представленный в этой книге, основан на материалах, представленных в общих трудах по политической, интеллектуальной и социальной истории колониального периода» [Ibid., р. 150].

Скупая похвала отображала стремление затемнить вклад М. Х. Сэвейлла в американскую науку. Но для Ф. Гилберта было принципиально подчеркнуть оппозиционность его взглядов авторитету и, самое главное, подходу коллег из школы дипломатической истории. В качестве объекта критики им был выбран С. Бимис: «Истоки американской дипломатии, в том, что касается фактических событий, описаны во всех исторических трудах о первых годах существования Соединенных Штатов; подробный авторитетный обзор содержится в книге С. Ф. Бемиса

источниках Декларации независимости, так что это сделало Феликса кем-то вроде американского историка. Это было плюсом для института» [49]. Несмотря на неточность в оценке Р. Э. Гизи – книга была издана еще в период работы Ф. Гилберта в колледже Брин-Маре, а не в Принстонском институте – тезис о том, что монография играла роль в переходе историка на новое место работы подтверждается воспоминанием. Публикация книги была примером универсальности мышления историка, что показывало его перспективность для исследовательского учреждения. В письме от 12 февраля 1962 г. на имя Э. Канторовича, заведующий кафедрой истории в Институте перспективных исследований профессор Джозеф Стрейер (1904–1987) дал следующую оценку историку: «Мне очень интересно узнать, что вы рассматриваете кандидатуру Феликса Гилберта на должность в Институте. Гилберт занимает самое необычное место среди историков в этой стране: это человек, чье мнение пользуется всеобщим уважением и к чьей критике с нетерпением прислушиваются. Отчасти это объясняется широким спектром его интересов, охватывающим период с XV века по настоящее время, от интеллектуальной истории до дипломатии и военной истории, а также его необычной способностью видеть главное в любой проблеме. Он написал и будет писать важные книги, и он станет одним из самых влиятельных людей в нашей профессии. Я был бы рад, если бы он был моим соседом по Принстону, и я думаю, что большинство старших сотрудников исторического факультета чувствовали бы то же самое. Он стал бы настоящим дополнением к нашему сообществу, и я очень надеюсь, что вы сможете привезти его в Принстон» [30]. Необходимо учитывать и то, что книга была первой индивидуальной монографией, изданной в США и второй – в корпусе работ ученого. Между двумя изданиями был 30-летний перерыв.

"Дипломатия американской революции", Нью-Йорк, 1935. Однако то, что меня особенно интересует в этом разделе, – анализ концептуальных рамок, которые определили первые действия Америки во внешней политике, – не было рассмотрено столь же тщательно» [Ibid., p. 156]. Критический выпад отображал эпоху ревизионизма. Ф. Гилберт выступил против однозначности националистической интерпретации внешней политики США: в завуалированной форме он ставил под сомнение уникальность американского опыта и подчеркивал доминирующее влияние европейского опыта. Обоснование новаторства историк изложил в разделе «Библиографический очерк»: «Проблема колониальной подоплеки американской внешней политики все еще нуждается в систематическом исследовании и всестороннем подходе. Эта проблема была проанализирована только в ряде статей, посвященных отдельным аспектам затронутых вопросов <...> Из-за отсутствия всеобъемлющей работы о колониальной подоплеке американской внешней политики обзор этой проблемы, представленный в этой книге, основан на материалах, представленных в общих трудах по политической, интеллектуальной и социальной истории колониального периода» [Ibid., p. 149–150]. Историк, отмечая свою неудовлетворенность состоянием научного знания, переходил на персоналии: его критика была сосредоточена на сподвижнике школы дипломатической истории – Сэмюэле Флэгг Бимисе (1891–1973). «Истоки американской дипломатии – писал Ф. Гилберт, – в том, что касается фактических событий, описаны во всех исторических трудах о первых годах существования Соединенных Штатов; подробный авторитетный обзор содержится в книге С. Ф. Бемиса "Дипломатия американской революции", Нью-Йорк, 1935. Однако то, что меня особенно интересует в этом разделе, – анализ концептуальных рамок, которые определили первые действия Америки во внешней политике, – не было рассмотрено столь же тщательно» [Ibid., p. 156]. Обобщение, критический выпад отображали смену поколений и интерпретационных моделей, в которых политическая целесообразность уступала научной ценности.

К началу 1960-х гг., у Ф. Гилберта было то, чего ему не хватало в середине 1940-х гг. – авторитет и конъюнктура нарастающей волны ревизионизма в американской исторической науке. Двадцатилетняя заготовка приобрела второе дыхание и не забирало много времени у ученого. Академическая жизнь в колледже побуждала Ф. Гилберта к обсуждению важных тем в стенах учебного заведения. На страницах печати колледжа он давал комментарии по двум направлениям: или о современных международных процессах, преимущественно, в Европе ¹, или о политическом учении Н. Макиавелли [33, p. 1, 4]. Ни внешняя политика США в XVIII в., ни внешнеполитические взгляды отцов-основателей им не комментировались. Примечательно и то, что в колледже Ф. Гилберт не преподавал

¹ Ф. Гилберт давал комментарии по таким темам, как политика А. Гитлера накануне второй мировой войны, правые и левые в послевоенной политике Европы, развитие Италии, Бельгии, Германии в послевоенные годы, состояние современной американской внешней политики, советско-югославские отношения после Второй мировой войны, отношение Советского Союза к политическим процессам формирования новых государств на Ближнем Востоке в конце 1940-х гг. [2; 12–14; 19–27; 33; 45].

историю внешней политики США: дисциплины и семинары велись в рамках направления «Современная европейская история», «История Средневековья и Возрождения»¹. В этом нет ничего удивительного, поскольку он, как и многие ученые-эмигранты 1930–1940-х гг., заняли нишу узкой специализации в американской академической среде.

В целом, труд Ф. Гилберта был встречен в академической среде с интересом и неоднозначностью. Высокая оценка была связана с тем, что рецензенты рассматривали его как солидное, эрудированное и плодотворное деяние [59, р. 220]; уникальная и ценная интерпретация [18, 28]; провокационная книга, указывающая путь к дальнейшему исследованию [61, р. 292]; поучительная поправка к пониманию национальных начал [41, р. 137–138]. Ученые констатировали провокационность и, самое главное, неизученность прежде внешней политики США сквозь призму методологии интеллектуальной истории. Одновременно, новаторство вызвало и критические замечания. Корин Лэтроп Гилб (1925–2003) – профессор истории в Миллс-Колледже – отмечая полезность книги, считала, что «Литературная аккуратность и педагогическая полезность этой книги, возможно, являются как причинами, так и оправданиями случайной тенденции к упрощению» [32, р. 103]. Б. Перкинс был более дипломатичным: «Смелые эссе этой книги, естественно, вызовут критику со стороны более традиционных историков американской дипломатии. Как всегда, в интеллектуальной истории, легче показать существование идей, чем продемонстрировать их влияние, и Гилберт, возможно, в чем-то попадает в эту ловушку. Его знание и интерес к преимущественно европейской структуре мышления иногда явно лучше, чем его понимание фактов американской дипломатии» [50, р. 547]. М. Х. Сэвейлл констатировал диспропорцию знаний у автора о развитии идей по разные стороны Атлантики: «В конечном счете оказывается, что профессор Гилберт преувеличивает наивность, невежество и неопытность американцев и решающее влияние идей, принесенных из Европы, игнорируя при этом как пристальный и осознанный интерес к международным делам, проявляемый американцами XVIII века, так и грубовато реалистичный, властолюбивый империализм колоний, особенно в середине этого столетия» [54, р. 154]. Из внимания рецензентов выпало соотношение теоретического и практического уровня во взглядах историка.

В отличие от статьи 1944 г., в монографии системообразующим фактором в оценке ученого была уверенность в существовании бинарной модели мышления отцов-основателей. Представления колонистов, по мнению историка, основывались на двух установках, перенесенных из Европы: ожидания финансового

¹ В Брин-Море Ф. Гилберт преподавал такие дисциплины, как «Средневековая и современная Европа», «Интеллектуальная история Европы от Ренессанса до Просвещения», «История России», «История Европы с 1890 г.», «Европа в двадцатом веке», «Ренессанс и Реформация», а также семинары «Международные отношения в современном мире», «Интеллектуальные и политические проблемы эпохи Возрождения и Реформации», «Вопросы политической истории двадцатого века», «Ренессанс: интеллектуальные проблемы в эпоху Макиавелли» «Революция и реакция в Германии и Западной Европе» [4–10].

вознаграждения и веры в необходимость построения более совершенного социального порядка. На этом базисе сформировалось отношение к Старому свету: с одной стороны, экономические причины требовали тесных, прагматичных связей, с другой – отдаление от европейского равновесия диктовало утопическое представление о социальном порядке [38, р. 4]. В результате, с провозглашением независимости Соединенных Штатов в 1776 г., американский взгляд на внешнюю политику представлял собой комбинацию изоляционизма и интернационализм, которые были совместимы и усиливали друг друга [34, р. 8, 72–74]. При этом Ф. Гилберт делал и противоречащее утверждение: «Но, какими бы противоречивыми ни казались иногда изоляционизм и интернационализм, эти контрасты можно было не замечать; и их можно было считать совместимыми друг с другом, потому что между ними был общий фактор, хотя и только негативного характера: изоляционизма существовал в сфере безвременья; интернационализм существовал в будущем. Ни то, ни другое не существовало в мире настоящего. Таким образом, установки, принятые молодой республикой, еще не разрешили удовлетворительно ни практически, ни теоретически вопрос о том, как проложить курс в существующем мире» [Ibid., р. 75].

Контрастность дух тезисов была следствием недостаточности данных: историк, не обладая полнотой представлений о взглядах колонистов, интерпретировал их в контексте интеллектуальных тенденций XX в. В мемуарах «Европейское прошлое: воспоминания 1905–1945 годов» (1988) он писал: «В годы между этой поездкой (1937) и вступлением Америки в войну преобладали дебаты между изоляционизмом и интервенционизмом. В то время я был ассистентом Эдварда Эрла, профессора Института перспективных исследований в Принстоне. Эрл организовал семинар, на котором политологи и историки обсуждали отношение американцев к ведению иностранных дел. И целью этих встреч было продемонстрировать, что, помимо идеологии, понятие национальной безопасности должно служить руководящим критерием, определяющим курс внешней политики; этот сдвиг дискуссии о внешней политике с идеологического на прагматический уровень имел свое значение в эти предвоенные годы, когда требовался консенсус относительно курса, который нужно было проводить» [Ibid., р. 175–176]. Аналог построения консенсуса 1930-х гг. по вопросам внешней политики в США, Ф. Гилберт не мог воссоздать в реалиях 1770-х гг. Исходя из отсутствия источников, им был сделан вывод о перманентности изоляционизма и о существовании интернационализма в будущем, при том, что идея об изоляционистском мышлении отцов-основателей им считалась «<...> односторонней и неполной: американская внешняя политика была идеалистической и интернационалистической не в меньшей степени, чем изоляционистской» [Ibid., р. 72]. Ученый конструировал историзм современных ему настроений ¹, а не исследовал историческую реальность в ее многообразии.

¹ В рефлексивных воспоминаниях Ф. Гилберт отмечал: «В период нацистской экспансии и агрессии американская внешняя политика стала моей главной заботой. Я был очарован происхождением двух противоречивых идеологических подходов к американской внешней политике, которые доминировали в общественных дебатах. Этот интерес, вероятно, был вызван впечатлениями, полученными мною во время путешествия по стране. Я видел реальность, которая лежала за желанием

Определив каналы поступления идей из Англии в Британскую Америку – деловые поездки и путешествия колонистов в Европу, поступление книжных изданий, новоприбывшие мигранты, временно приехавшие жители метрополии – Ф. Гилберт высказал убеждение в том, что принятие европейских идей было скорее избирательным и творческим, чем имитационным [38, р. 16, 33, 36–37]. Это утверждение входит в противоречие с его другим высказыванием о внешней политике 1780-х гг.: «Американцы все еще могли не любить традиционную дипломатию и политику власти, но они больше не рассматривали их как слабые структуры, которые падут при первом звуке труб свободы. Американцы осознали, что за теми формами внешней политики и дипломатии, которые существовали в Европе, лежала стройная система мышления, принципов и методов. Они начали пользоваться ее терминами и мыслить ее понятиями. Идеи, стоявшие за европейской дипломатической практикой, оказали дальнейшее влияние на формирование американского взгляда на внешнюю политику» [Ibid., р. 89]. Из сопоставленных оценок остается неясным имитация европейских идей все же была или по мере развития внешней политики она проявилась в американском обществе, о какой избирательности или творческом отборе отмечал Ф. Гилберт, если он проанализировал только текст памфлета Т. Пейна «Здравый смысл» и взгляды Дж. Адамса при создании «Типового договора», оставив без рассмотрения целый пласт общественно-политического обсуждения международных процессов на страницах колониальной прессы и памфлетов. Теоретическое построение в работе Ф. Гилберта было незавершенным, противоречивым и тенденциозным, что отразилось на практическом уровне.

Проводя общую характеристику взглядов колонистов, Ф. Гилберт придерживался мнения, согласно которому пребывание в составе Великобритании, особенно после 1763 г., не привело к формированию у колонистов общего отношения к внешней политике: «Колонии не осознали себя как политическую единицу, отличную от других политических единиц; у них не было практического опыта проведения единого курса во внешней политике; и они не уделяли никакого систематического внимания вопросам, связанным с управлением дипломатией, когда они вступали в область внешней политики» [Ibid., р. 15]. Парадоксальность этого утверждения связана с теоретическим уровнем: если в колониях не было общих взглядов на внешнюю политику, то имело место разное видение, тогда в чем оно заключалось? В книге нет ответа на вопрос.

В колониальный период Ф. Гилберт выделил три предпосылки формирования внешней политики: 1) колониальный опыт сделал внешнюю политику чуждой и

жить отдельно от соблазнов мира и за Надеждой построить в Америке новый и лучший мир. Я начал понимать мотивы, вдохновлявшие заселение нового света, и условия, поддерживавшие существование этих отношений. Кроме того, стало ясно, что эти установки коренятся во взглядах и мыслях, выработанных в европейском прошлом до заселения Нового Света. Я узнал о европейском опыте, который лежал за изоляционизмом и мессианизмом американского взгляда на иностранные дела. Я сделал несколько докладов на эту тему на семинаре Эрла, опубликовал несколько статей и, наконец, собрал исследования в книгу» [34, р. 176].

отталкивающей для американского общества, поскольку ему было трудно понять значение фактора силы в международных отношениях; 2) сформировался стереотип уверенности в том, что возникновение США трансформировало существовавшие международные отношения и препятствовало интеграции в них североамериканского государства; 3) Великобритания, как материнское государство, выступило примером для развития внешней политики нового государства (из ее практики было заимствовано привлечение общества к обсуждению внешнеполитических проблем, зависимость внешней политики от состояния общественного мнения) [Ibid., p. 16–32]. Предпосылки были продуктом индуктивного умозаключения, не основанного на результатах анализа широкого круга источников.

Ф. Гилберт построил аргументацию своих теоретических наработок при помощи изучения взглядов Т. Пейна и Дж. Адамса. По его мнению, созданные ими документы, были воплощением идеи республиканской традиции английской политической мысли, в частности, и эпохи Просвещения, в целом: убеждения философов-утилитаристов, особенно Джозефа Пристли (1733–1804), постулировавших необходимость неучастия Англии в континентальных войнах, отказ от политических союзов и целесообразность сосредоточения на экономическом развитии, ограничения связей с иностранными державами только торговыми отношениями [Ibid., p. 41–43, 50]. Этот вывод Ф. Гилберт не подтвердил фактами использования книг европейских мыслителей Дж. Адамсом и Т. Пейном, упомянув лишь распространение трудов в Северной Америке.

Согласно представлению Ф. Гилберта, памфлет Т. Пейна определял внешнеполитический курс США [Ibid., p. 43], особенно он оказал влияние на создание Дж. Адамсом «Типового договора». Однако, этот документ имел специфику – он был проявлением американского идеалистического образа мышления, обозначившего появление «новой дипломатии», как противоположность европейской традиции: смещение фокуса отношений между государствами с военно-политического баланса в экономическую плоскость было качественно новым принципом в международных отношениях. Таким образом, «Типовой договор» предназначался, с одной стороны, для обеспечения независимости США от Европы, а, с другой – создания универсального инструмента по распространению в мире американского представления об организации международных отношений на основе экономического взаимодействия, а не соотношения военно-политической мощи. «Американцы – постулировал Ф. Гилберт – вышли на европейскую сцену как представители дипломатии новой эпохи. Они не чувствовали себя лицом к лицу с совершенно враждебным миром. Они могли бы найти мало симпатии к своим идеям у правителей Франции, кто мыслил в терминах традиционной дипломатии. Но они чувствовали, что у них много друзей: их союзниками были все прогрессивные умы Европы, писатели и мыслители <...>» [Ibid., p. 56]. И такое восприятие было следствием интервенционистского элемента внешнеполитического мышления, существовавшего в американском обществе.

Первое на что следует обратить внимание так это на отсутствие анализа реакции внутри колониального общества на памфлет Т. Пейна «Здравый смысл» и на

обсуждение текста «Типового договора». Также, идея «новой дипломатии» представляет собой искажение исторических процессов: отцы-основатели делали акцент на экономической сфере по причине отсутствия военно-политической мощи. В Континентальном Конгрессе исходили из реальных возможностей, а не только из философских утверждений эпохи Просвещения. Ф. Гилберт отодвигал на второй план тот факт, что работа Т. Пейна была идеологическим инструментом, а не философским трактатом, и, в свою очередь, «Типовой договор» являлся результатом компромисса между группами-интересов с разными представлениями о международных процессах и внешней политики. По какой причине Ф. Гилберт не стал проводить анализ текста Декларации независимости, упомянув только дважды этот документ [Ibid., p. 42, 78], становится понятным: он не провел самостоятельное исследование.

В последующие десятилетия и оценка Ф. Гилберта, и его монография приобрели канонический характер, поскольку его новаторский подход – использование интеллектуальной истории в изучении внешней политики – становился воодушевляющим примером для нового поколения историков.

Второй принстонский период: идеалистический подход и грезы об империи (начало 1960-х гг. – начало 1990-х гг.)

После издания монографии в 1961 г. работа над тематикой Ф. Гилбертом была свернута. Вернувшись на работу в Принстонский университет, где он уже занимал должность профессора в Школе исторических исследований Института перспективных исследований до выхода на пенсию в 1975 и в статусе эмерита до 1991 г., ученый не продолжил научную разработку мыслей. Им не были написаны ни отдельные статьи, ни даны рецензии на книги. Фактически историк дистанцировался от изучения истоков внешней политики США в XVIII в., отдав предпочтение концентрации внимания и усилий на исследование интеллектуальной истории эпохи Возрождения. Если бы не случайность, то, очевидно, историк никогда не вернулся бы к прежним наработкам.

Американская среда 1960–1980-е гг. характеризовалась оживленным интересом в США к Американской Революции, Войне за независимость, принятию Конституции, что было связано с 200-летним юбилеем формирования государства. Редактор журнала «Foreign Affairs» Уильям Патнэм Банди (1917–2000), стараясь не отставать от набирающих силу процессов, вел подбор авторов для написания глав в коллективной монографии, вышедшей в свет под названием «Двести лет американской внешней политике» (1977). Приоритетом для У. П. Банди являлся свежий взгляд на устоявшиеся представления и, следуя этой логике, он обратился с предложением к Ф. Гилберту – автору работы, как он считал, ставшей классическим трудом в предшествующие пятнадцать лет [11, p. viii]. Общим у приглашенного автора и редактора была не только работа на разведывательные спецслужбы и Государственный департамент, но и труд в Принстонском университете, чей престиж У. П. Банди стремился поддерживать. Также выбор кандидата определялся неучастием Ф. Гилберта в дискуссии между американскими историками; он смог сохранить репутацию классика, который теоретически мог удивить

профессиональное сообщество свежими идеями и оценками. Сказывались и личные мотивы У. П. Банди: его избрание на пост редактора журнала было следствием дружбы с семьей Рокфеллеров: Дэвид Рокфеллер возглавил в 1970 г. Совет по международным отношениям [44, р. 50–51]. В последствии представитель влиятельной семьи вспоминал о репутационных рисках, на которые он пошел, продвигая своего назначенца: «Выбор Билла Банди, который я решительно поддержал, возмутил многих членов Совета, которые считали, что участие Америки во Вьетнаме было не только ошибкой, но и аморальным поступком, совершенным коррумпированными и властолюбивыми людьми. Они считали Билла военным преступником и публично пытались опровергнуть его позицию. Я считал их обвинения несдержанными, но Вьетнам настолько отравил атмосферу, что, откровенно говоря, было бы невозможно выбрать кого-либо, кто участвовал бы в проведении американской внешней политики в те годы, не разжигая страстей. Со временем писательские способности Билла и его мастерство беспристрастного редактора получили широкое признание, даже среди его самых ярких критиков. Но этот роман омрачил мои первые годы на посту председателя» [53, р. 485]. Как раз эту беспристрастность и должен был реализовать Ф. Гилберт по замыслам редактора журнала.

Косвенно семья Рокфеллеров дважды в жизни Ф. Гилберта сыграла важную роль: в середине 1930-х гг. специальная программа помогла молодому историку иммигрировать в США, спустя 40 лет – дать возможность уже состоявшемуся авторитетному эксперту оценить 200-летнюю историю внешней политики его «новой родины». Не удивительно, что предложение У. П. Банди было им принято и в коллективной монографии была размещена глава под названием «Размышление о двухсотлетию». Эта работа стала единственным трудом, который историк посвятил теме, которой не занимался с рубежа 1950–1960-х гг. По сути, работа представляла собой эссе, а не научное исследование: текст не сопровождался ссылками на источники и литературу, автор передавал личную рефлексию истории развития внешней политики США.

Ф. Гилберт делал противоречивые утверждения. С одной стороны, он был уверен в том, что европейская практика теории и реализации внешней политики не была перенесена в Северную Америку [35, р. 6], что означало, по его мнению, непринятие идеи баланса сил, государственных интересов, силовой политики, как основ мирового порядка. Для создания мира всеобщего процветания их должны были заменить свобода торговли и мореплавания. В этом контексте, Ф. Гилберт был уверен: в XVIII в. зарождался идеалистический подход к внешней политике, выразившийся в американской претензии на мировое лидерство [Ibid., р. 19], которое не было возможности реализовать.

С другой стороны, Ф. Гилберт утверждал, что идеи Старого света существовали в Новом свете и определяли мышление отцов-основателей. Он не только утверждал, что колонисты были знакомы с идеями английских радикалов и просвещённых философов, но и был уверен в том, что «<...> если религиозные чувства (защита от притеснения католической церковью. – Д. Д.) и отголоски споров в Англии (о плюсах

и минусах дистанцированности от континента. – Д. Д.) рекомендовали колонистам разорвать все связи с Европой, тоже чувство оппозиции и враждебности по отношению с Ancien Régime могло также привести к другому курсу: взять на себя инициативу в прекращении системы, которая попирала права человечества, и взять на себя активную роль в установлении нового и лучшего мирового порядка, в котором будет мир и процветание посредством торговли» [Ibid., p. 7]. Как и в предшествующих публикациях, Ф. Гилберт показывал недостаточную степень обобщения относительно взглядов не только отцов-основателей (которых он рассматривал только на примерах Дж. Адамса, А. Гамильтона, Т. Джефферсона), но и всего американского общества. Причина этого была в том, что он не исследовал источники, анализ которых дал бы ему возможность для масштабных обобщений.

Мышление отцов-основателей о внешней политике страны и международных отношениях, согласно Ф. Гилберту, представляло собой запутанный набор взаимосвязанных и противоположных целей и представлений. Однако, причины этого ученый определил в разных истоках. То он утверждал, что они были следствием симпатии колонистов к трудам европейских мыслителей, ведущих критику старого режима и его дипломатии [Ibid., p. 6–7]. То в психоэмоциональном состоянии отцов-основателей: неуверенность в выборе эффективного курса приводила к постоянной смене представлений о внешней политике [Ibid., p. 9]. На этом основании Ф. Гилберт характеризовал внешнюю политику США с момента провозглашения страны нерешительностью и неустойчивостью [Ibid., p. 8, 9]. Одновременно он подчеркивал, что идеалистический подход отцов-основателей столкнулся с мировым порядком, который опирался на силовую политику и баланс сил, и они не могли его изменить, что привело к проведению внешней политике, обеспечивавшей независимость в соответствии с принципами существовавшего миропорядка [Ibid.].

Как и в публикациях середины 1940-х гг. и начала 1960-х гг., Ф. Гилберту не удалось преодолеть несовершенство своей методологии: концентрируя внимание на интеллектуальном мире узкой группы отцов-основателей он переносил их представление на внешнюю политику, которую он не анализировал на основе таких параметров, как, на пример, работа институтов (Континентальный Конгресс, Комитет по корреспонденции, Государственный департамент). В результате, его интерпретации были присущи незавершенность и фрагментарность, которые он пытался снять утверждениями о неполноте исторических данных или тезисом о заимствовании европейских идей [Ibid., p. 6–7].

Обратить внимание следует на то, что, если в начале 1960-х гг., Ф. Гилберт был одним из сподвижников ревизионизма, то в середине 1970-х гг. его интерпретация показывала изоляцию историка. К моменту выхода его публикации, американская научная мысль продвинулась по изучению раннего периода. Но, что примечательно, так это игнорирование ученым достижений коллег. Причина этого заключалась не столь в принципиальности взглядов историка, сколько в его отстраненности от темы, которая для него не представляла ценности после издания монографии в 1961 г.

Примечательно, но У. П. Банди получил труд, содержания которого соответствовало эпохе разрядки международного напряжения, что также придавало

вес редактору журнала «Foreign Affairs», который пытался уменьшить критику в свой адрес за активное участие во вьетнамской войне. Однако, научная мысль осталась без прироста нового знания о генезисе внешней политики США: спустя 16 лет после публикации монографии, взгляд Ф. Гилберта остался без изменения, что было следствием прекращения исследований, а не результатом анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взгляды Ф. Гилберта на тему генезиса внешней политики США не были новаторскими для американской исторической науки: тезис о европейских и британских истоках был распространен в историографии с последней трети XVIII в. по первую половину XX в. Новшество заключалось в том, что ученый применил методологический подход, который ранее не использовался: интеллектуальная история, которую ученый постигал под руководством профессора Ф. Мейнеке, дала возможность ученому посмотреть на тему сквозь призму внутреннего мира отцов-основателей, чьи взгляды, как он считал, были сформированы опытом Старого света.

Аргументация оценки ученого была построена на узком круге источников: им были фрагментарно исследованы документы, связанные только с тремя отцами-основателями – Дж. Адамсом, Т. Джефферсоном и Т. Пейном. Ученый не стал рассматривать ключевой документ ранней эпохи – Декларацию независимости США; деятельность Континентального Конгресса была им отодвинута на второй план.

Ф. Гилберт, создавая свои труды и формулируя представления, избегал ссылок на работы своих коллег, представляя раннюю историю внешней политики США недостаточно исследованным периодом. Принижение значимости наработок предшественников и современников искажало состояние историографии темы, в частности, и американской исторической науки, в целом. Ключевым мотивом для столь однозначных утверждений и действий был карьеризм. Ученый обращался к теме исключительно в моменты, связанные с продвижением его положения в академической среде. Оценки, данные в публикациях середины 1940-х гг., начала 1960-х гг., середины 1970-х гг. отображали устремление закрепиться (первый принстонский период), упрочнить (бринмаровский период), удержать (второй принстонский период) статусные позиции. Во всех случаях им двигал не научный интерес, что в значительной степени контрастировало с его исследованием интеллектуального наследия эпохи Возрождения: непрерывность контрастировала с непостоянством, которое характеризовало отношение ученого не только к истории раннего периода внешней политики североамериканского государства, но, и как следствие, к ее генезису. Необходимость диктовала целесообразность ученого заниматься разработкой тематики.

Тем не менее, интерпретация Ф. Гилберта не была заурядной и вторичной. Нестандартный взгляд, связанный с применением методологии интеллектуальной истории, сочетался с конъюнктурным моментом развития американской исторической науки. Если в середине 1940-х гг. издание статьи осталось незамеченным событием, то публикация монографии в 1961 г. совпала с процессом нарастания ревизионизма. Взгляд ученого, в завуалированной форме, был направлен

на слом доминирования положения школы дипломатической истории, ставившей в центр своего внимания государство и дипломатию. Историк предлагал альтернативу: в анализе внешней политики, как и ее генезиса, перенести в центр интеллектуальный мир человека. Инициатива, как зерно попало на благодатную почву пересмотра канонов изучения истории внешней политики. В результате новое поколение историков, чье профессиональное мышление становилось в середине XX в., канонизировало наработки Ф. Гилберта, вписав его имя в академический пантеон сподвижников. Парадокс заключается в том, что сам ученый не стремился к высокому признанию своего авторитета в этой сфере, относился к теме периферийно. Однако, как показал случай с историком, аматорский взгляд на тему профессионала обладает высоким потенциалом для пересмотра устоявшихся академических оценок. Несмотря на то, что Ф. Гилберт повторил ранее существовавшую в историографии оценку, он дал толчок к тому, чтобы идея о европейских истоках генезиса внешней политики США получила импульс к дальнейшему изучению.

Список использованных источников и литературы

1. Фофанова А. Испытание независимостью: внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1789 гг.) / Анна Романовна Фофанова. – СПб.: Алетейя, 2024. – 228 с.
Fofanova A. Ispytanie nezavisimost'yu: vneshnyaya politika SShA v period dejstviya Statej Konfederacii (1781–1789 gg.) / Anna Romanovna Fofanova. – SPb.: Aletejya, 2024. – 228 s.
2. Between the Leaves: Gilbert's translation on Hitler hailed as unique // The College News (Bryn Mawr College). – 1951. – 17 January. – P. 3.
3. Books 1943–1950 / [Princeton University Press Staff] // A century in books: Princeton University Press, 1905–2005 / [Princeton University Press Staff]. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – P. 19–32.
4. Bryn Mawr College Calendar, 1947–1949 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1949. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1026&context=bmc_calendars (date of access: 11.01.2025).
5. Bryn Mawr College Calendar, 1949–1952 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1952. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1027&context=bmc_calendars (date of access: 10.01.2025).
6. Bryn Mawr College Calendar, 1952–1954 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1954. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1028&context=bmc_calendars (date of access: 12.01.2025).
7. Bryn Mawr College Calendar, 1955–1956 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1956. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1029&context=bmc_calendars (date of access: 10.01.2025).
8. Bryn Mawr College Calendar, 1957–1958 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1958. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1030&context=bmc_calendars (date of access: 10.02.2025).
9. Bryn Mawr College Calendar, 1959–1961 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1961. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1031&context=bmc_calendars (date of access: 17.01.2025).
10. Bryn Mawr College Calendar, 1961–1963 / [Bryn Mawr College]. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1963. – URL: https://repository.brynmawr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1032&context=bmc_calendars (date of access: 13.02.2025).
11. Bundy W. P. Introduction / William P. Bundy // Two hundred years of American foreign policy / ed. by William P. Bundy. – New York: New York University Press, 1977. – P. vii–xi.

12. Calendar // The College News (Bryn Mawr College). – 1950. – 13 December. – P. 2.
13. Calendar // The College News (Bryn Mawr College). – 1951. – 10 October. – P. 2.
14. Calendar // The College News (Bryn Mawr College). – 1953. – 11 November. – P. 1.
15. Crafton A. History, politics, and culture / Anthony Crafton // *A century in books: Princeton University Press, 1905–2005* / [Princeton University Press Staff]. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – P. 43–50.
16. Craig G. A. Felix Gilbert (21 May 1905 – 14 February 1991) / Gordon A. Craig // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 1993. – Vol. 137, №1. – P. 131–136.
17. Craig G. A. Insight and Energy. Reflections on the Work of Felix Gilbert / Gordon A. Craig // *Felix Gilbert as Scholar and Teacher* / Ed. by Hartmut Lehmann. – Washington: German Historical Institute, 1992. – P. 17–28.
18. Cunningham N. E., Jr. [Review] / Noble E. Cunningham, Jr. // *The Journal of Modern History*. – 1963. – Vol. 35, №4. – P. 410. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
19. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 15 January. – P. 2.
20. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 2 February. – P. 2.
21. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 5 July. – P. 2.
22. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 15 October. – P. 3.
23. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1947. – 17 December. – P. 2.
24. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1948. – 3 November. – P. 2.
25. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1950. – 22 March. – P. 2.
26. Current Events // The College News (Bryn Mawr College). – 1950. – 18 October. – P. 2.
27. Daum A. W. Introduction: Refugees from Nazi Germany as Historians: Origins and Migrations, Interests and Identities / Andreas W. Daum // *The Second Generation: Émigrés from Nazi Germany as Historians. With a Biobibliographic Guide* / Ed. by Andreas Daum, Hartmut Lehmann, James Sheehan. – New York: Berghahn Books, 2016. – P. 1–32.
28. DeConde A. [Review] / Alexander DeConde // *The Wisconsin Magazine of History*. – 1961. – Vol. 44, №4. – P. 311. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
29. Epstein C. Schicksalsgeschichte: Refugee Historians in the United States / Catherine Epstein // *An Interrupted Past: German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933* / Ed. by Hartmut Lehmann, James J. Sheehan. – Washington: German Historical Institute, 1991. – P. 116–135.
30. Felix Gilbert Faculty file: curriculum vitae, bibliography, press release and biography / Shelby White and Leon Levy Archives Center, Institute for Advanced Study, Princeton, NJ, USA. – URL: <https://albert.ias.edu/entities/archivalmaterial/d591ef01-00a3-406c-a9b8-6a3becfb1b3e> (date of access: 10.02.2025).
31. Fergie D. Geopolitics Turned Inwards: The Princeton Military Studies Group and the National Security Imagination / Dexter Fergie // *Diplomatic History*. – 2019. – Vol. 43, №4. – P. 644–670.
32. Gilb C. L. [Review] / Corinne Lathrop Gilb // *American Quarterly*. – 1962. – Vol. 14, №1. – P. 102–103. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
33. Gilbert explains political science of Macchiavelli // *The College News (Bryn Mawr College)*. – 1947. – 19 March. – P. 1, 4.
34. Gilbert F. A European past: memoirs 1905–1945 / Felix Gilbert. – New York: Norton, 1988. – 229 p.
35. Gilbert F. Bicentennial reflections / Felix Gilbert // *Two hundred years of American foreign policy* / ed. by William P. Bundy. – New York: New York University Press, 1977. – P. 1–19.
36. Gilbert F. Desirable Elements: Refugee Professors at Bryn Mawr in the Thirties and Forties / Felix Gilbert // *A Century Recalled: Essays in Honor of Bryn Mawr College* / Ed. by Patricia Hochschild Labalme. – Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1987. – P. 73–86.
37. Gilbert F. The «New Diplomacy» of the Eighteenth Century / Felix Gilbert // *World Politics*. – 1951. – Vol. IV, Iss. 1. – P. 1–38.

38. Gilbert F. The beginnings of American foreign policy: to the farewell address / Felix Gilbert. – New York: Harper & Row, 1965. – 172 p.
39. Gilbert F. The English Background of American Isolationism in the Eighteenth Century / Felix Gilbert // *The William and Mary Quarterly*. – 1944. – Vol. 1, №2. – P. 138–160.
40. Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
41. Graff H. F. To the Farewell Address: Ideas of Early American Foreign Policy by Felix Gilbert / Henry Franklin Graff // *Political Science Quarterly*. – 1963. – Vol. 78, №1. – P. 136–138.
42. Gray H. H. An academic life: a memoir / Hanna Holborn Gray. – Princeton: Princeton University Press, 2018. – 327 p.
43. Greenberg K. J. «Uphill Work»: The German Refugee Historians and American Institutions of Higher Learning / Karen J. Greenberg // *An Interrupted Past: German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933* / Ed. by Hartmut Lehmann, James J. Sheehan. – Washington: German Historical Institute, 1991. – P. 94–101.
44. Grose P. Continuing the inquiry: the Council on Foreign Relations from 1921 to 1996 / Peter Grose. – New York: Council on Foreign Relations, 1996 – 83 p.
45. Holborn H. D. Error of news report of talk on Belgium corrected / H. D. Holborn // *The College News* (Bryn Mawr College). – 1950. – 12 April. – P. 2.
46. Kater M. H. Refugee Historians in America: Preemigration Germany to 1939 / Michael H. Kater // *An Interrupted Past: German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933* / Ed. by Hartmut Lehmann, James J. Sheehan. – Washington: German Historical Institute, 1991. – P. 73–93.
47. Labalme P. H. Felix Gilbert 1905–1991 / Patricia H. Labalme // *Renaissance quarterly*. – 1991. – Vol. 44, Iss. 2. – P. 385–387
48. Lane B. M. Felix Gilbert at Bryn Mawr College / Barbara Miller Lane // *Felix Gilbert as Scholar and Teacher* / Ed. by Hartmut Lehmann. – Washington: German Historical Institute, 1992. – P. 11–16.
49. Oral History Interview of Ralph Giesey, June 12, 1990 / Institute for Advanced Study (Princeton, N.J.). – URL: <https://albert.ias.edu/server/api/core/bitstreams/75e2a54d-6f77-41eb-ad7c-01cec124ed05/content> (date of access: 10.02.2025).
50. Perkins B. [Review] / Bradford Perkins // *The New England Quarterly*. – 1961. – Vol. 34, №4. – P. 546–547. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
51. Pinkney D. H. [Review] / David H. Pinkney // *The American Historical Review*. – 1981. – Vol. 86, №1. – P. 1–20. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
52. Ritter G. A. Die emigrierten Meinecke-Schüler in den Vereinigten Staaten. Leben und Geschichtsschreibung im Spannungsfeld zwischen Deutschland und der neuen Heimat: Hajo Holborn, Felix Gilbert, Dietrich Gerhard, Hans Rosenberg / Gerhard A. Ritter // *Historische Zeitschrift*. – 2007. – №284. – S. 59–102.
53. Rockefeller D. *Memoirs* / David Rockefeller. – New York: Random House, 2002. – 517 p.
54. Savelle M. [Review] / Max Savelle // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1962. – Vol. 340. – P. 154–155. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
55. Stern F. Nachruf Auf Felix Gilbert / Fritz Stern // *Geschichte Und Gesellschaft*. – 1992. – Vol. 18, №1. – S. 133–135.
56. *The Institute for Advanced Study Bulletin*: 1940. – 1940. – №9. – 25 p.
57. *The Institute for Advanced Study Bulletin*: 1941. – 1941. – №10. – 33 p.
58. *The Institute for Advanced Study Bulletin*: 1941–1944. – 1945. – №11. – 36 p.
59. Tinkcom H. M. [Review] / Harry M. Tinkcom // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. – 1962. – Vol. 86, №2. – P. 220–221. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.
60. Torchiani F. Felix Gilbert e il Novecento: tra storia e autobiografia / Francesco Torchiani // *Memoria e Ricerca, Rivista di storia contemporanea*. – 2024. – №1. – P. 115–134.

61. Varg P. A. [Review] / Paul A. Varg // *The William and Mary Quarterly*. – 1962. – Vol. 19, №2. – P. 291–292. – Rev. op.: Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.

Dorofeev D. V. Felix Gilbert. Intellectual history: the historiography of the genesis of U.S. Foreign policy (1940s – first half 1970s)

The article analyzes F. Gilbert's interpretation of the genesis of the US foreign policy. The relevance of the study is determined by the low degree of elaboration of the topic in historiography. The source base consists of the historian's works, reviews on them, documents of Bryn Mawr College, the Institute for Advanced Study of Princeton University, biographical and memoir works. A combination of biographical, historical-comparative, historical-chronological methods and a systematic approach constituted the methodology of the research. The results of the analysis allowed us to draw the following conclusions. The scientist's interpretation of the origin of the United States foreign policy is characterized by the secondary character: the statement about the European and British experience as the origin was widespread in historical science during the last third of the 18th century and the first half of the 20th century. The researcher ignored works and underestimated the significance of the contribution of predecessors and contemporaries. Despite the fact that the historian's references to the topic were a consequence of his career aspirations, he became one of the associates of revisionism: F. Gilbert applied the methodology of intellectual history to the early period of the history of the US foreign policy, which created a new model of research.

Keywords: genesis of foreign policy, intellectual history, historiography, refugee scholars, F. Gilbert.